

Автор благодарит за оказанную помощь

Евгения Баранова, Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейни, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Илону и Сергея Спилберг, Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба, Настасью Шибаеву.

Многие назовут меня искателем приключений, и это так.

Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я попытаюсь сделать это в последний раз.

Я не ишу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей.

И если так случится, примите мое последнее объятие.

Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна

*Не гадай, суждена ли с тобой нам дорога назад —
И с порога сумей остающимся вновь улыбнуться.
Запрети себе думать о смерти, шагая в Закат:
Просто верь, что она у нас будет — возможность вернуться.*

*Потому что прощаться навеки — оно не для нас,
Потому что есть те, кто нас ждет — и поклялся дождаться...*

*Ставки, как никогда, на кону высоки в этот раз,
Только нет у нас права в бою нынче дрогнуть — и сдаться.*

*С легким сердцем отбрось то, с чем стало расстаться не
жаль,*

*Но не рви тебя к жизни земной привязавшие нити...
...Снова пламя свечей отражает алатский хрусталь,
И срывается с губ, дорогих до озноба: «Живите!..»*

*И гитара звенит, и горчит на губах вкус вина...
Сколько было всего за плечами, что нас не сломало?
Слышишь? Вспомни об этом, вино допивая до дна,
Прежде чем разобьем мы с тобой на удачу бокалы.*

*Мы долюбим еще, досражаемся — и допоем...
...Там, за гранью, где с явью смыкаются морок и небьель,
Будут тропы, вперед уводящие — за окоем,
И в конце этих троп — моря блеск, а над тропами — небо.*

*Не развяжется то, что завяжем мы крепким узлом,
Пусть схлестнуться с бедой— это дело всегда непростое.
...И, пока не созреют каштаны в Осенний Излом
И рябин не зажгутся костры, хоронить нас не стоит...¹*

---

¹ Здесь и далее стихотворные эпиграфы Елены Толоконниковой (Красный Волк).

Пролог

ЗИМНЕЕ ЗАТИШЬЕ

Жизнь не является работой:
безостановочная работа
может свести с ума.

*Шарль Андре Жозеф
Мари де Голль*

Глава 1

КИПАРА. УРГОТЕПЛА

1 год К. Вт. 9–10-й день Зимних Ветров

1

егие от снежных пятен поля и облетевшие колючие изгороди прикидывались незнакомыми, а ведь мадокским трактом маршал Капрас уже проезжал. Минувшим, чтоб его, летечком. И река, нынче разжиревшая от дождей, и стерегущее поворот здоровенное дерево, и трактир, где стало известно о налете на мельницу, — это все уже было. Глаза узнавали, память подтверждала, но маршал отчего-то ощущал себя возникшим ниоткуда и едущим в никуда. После Белой усадьбы он себя чувствовал похоже. Тогда в съезжившемся от безнадежности мире не осталось ничего, кроме ушей коня да полускрытой туманом спины рысящего впереди солдата, но из ставшего кошмаром имени они все же возвращались ночью.

— Помните? — тихо спросил державшийся рядом Агас. — Поворот на мельницу.

— Еще бы! — огрызнулся Карло и очнулся. — Каким очевидным тогда все казалось! Сейчас бы так...

Куда уж очевидней! Сдать захваченных мародеров местным властям и лететь к Паоне — присягать новому императору и вместе с ним ждать весны, готовясь дать бой язычникам. Уцелевших разбойников в самом деле сдали, как положено, но дальше все пошло вкривь и вкось. Злокозненные шайки множились, местные власти умоляли о защите, а Паона с каждым присланным циркуляром становилась непонятней и неприятней.

— Мой маршал, — забеспокоился Агас, — ведь вы же решили?

— Решил, — кратко подтвердил маршал и, прекращая разговор, дал Солнышку шенкеля. Увести корпус, тем самым лишив защиты две, если не три провинции, было немислимо, но чувствовал себя Карло омерзительно. Нечто подобное испытывают совестливые женихи, готовясь разорвать помолвку с не ожидающей бегства невестой. Император тоже не ожидал, по-прежнему числя командующего некогда Малым, а ныне Славным Северорожденным корпусом усердным служакой и добрым подданным. В таком качестве маршал Капрас регулярно получал рескрипты, и в них не содержалось ничего, требующего от совести немедленно сорвать перевязь. Кроме осеннего распоряжения о выявлении и преследовании кагетских пособников, главными из которых, как ни крути, выходили сам Карло и укрывший Гирени мирикийский епископ.

«Возмутительный и богохульный» Баата это тоже понимал, потому и предложил тайную встречу у Гидеона Горного. Капрас поехал и услышал, что любящий брат готов немедленно забрать родную кровь в Кагету; так готов, что Карло почти поверил в немислимое родство.

Потерявший почти всю семью казар и впрямь мог счесть Гирени чудом спасшейся единокровной сестрой. Не имевший во все никакой родни маршал отдать обретенную на старости лет «сваю женшчину» не мог, о чем и сказал. Казар возликовал и тут же дал согласие на брак, огорошив будущего зятя чудовищным приданым. Кагетская женитьба оборачивалась тысячами полновесных монет, сотнями коней, десятками драгоценных ожерелий и четыремя рубиновыми венцами.

Золото Баата обещал прислать в условленное место еще до свадьбы, и лишним оно точно не было, но разрыв с Паоной из-за этого в глазах приличных людей оборачивался изменой, причем самой что ни на есть мерзкой. Бросить на произвол судьбы союзника, которого был послан защищать, а потом предать и собственного императора! Отсидиваться за чужими спинами, по сути

захватив при этом три провинции. И если б только захватив — отправленный на север легат зверски убит, виновными же объявлены первый помощник погибшего и отставной стратег, с которым тоже успели расправиться. Ну и кто у нас выходит убийцей Прибожественного? Удодию ясно: дезертир и предатель Капрас!

Прежний Карло, обретайся он сейчас в столице, первым потребовал бы казни себя нынешнего. Если весной мориски возьмут верх, защитники Паоны, умирая, будут проклинать не язычников, не оказавшегося бессильным против багряноземельской чумы императора, а подлого изменника... Попробуй разгляди из большой войны войну малую, а та, будь все четырежды проклято, жрет не меньше, а может, и больше. На обычной войне, оказавшись в стороне от дорог, по которым шляются армии, выжить можно, а ты уцелей среди разбойничьих шаек, когда любой затаивший обиду подонок рад вышибить ногой дверь и заживо содрать с тебя шкуру!

— Господин маршал, — прервавший невеселые мысли штабной адъютант был чуть ли не до самого носа заляпан желтоватой дорожной грязью. — Срочная депеша от господина доверенного куратора.

— Давай! — обрадовался хоть какой-то заботе Капрас. — Долго искал?

Оказалось, не искал вовсе. Бесценный Фурис не стал полагаться на удачу, а разослал людей по всем дорогам, на которых мог появиться маршал, не позабыв при этом о своей любимой секретности. Лучший способ не выдать тайны — ее не знать, и господин доверенный куратор вручил гонцам изложенную по всем правилам канцелярского искусства просьбу задержаться в должном образом охраняемом месте, куда будут срочно доставлены архиважные известия из главной квартиры.

— Смотри, — Карло ткнул рукой в сторону видневшейся сквозь сплетенные ветки крыши. — Это трактир, я в нем остановлюсь и буду ждать. Поехали, хоть согреешься.

Адъютант жалобно вздохнул и отказался. Фурис имел обыкновение выспрашивать об исполнении поручения во всех подробностях, а признаться бывшему писарю в вызванной удовлетворением жалких человеческих потребностей задержке не рискнул бы и сам Капрас, что уж говорить о едва знакомом с бритвой теньентике? Маршал проводил глазами удаляющуюся фигуру и с удовольствием двинулся навстречу подогретому вину и жареному мясу. Гадать о будущих новостях прежде времени он не собирался.

Слуги в коричневых с золотом ливреях распахнули двери, и Луиджи Джильди шагнул во влажное щебечущее благоухание. Одна из урготских герцогинь, вроде бы бабка Фомы, души не чаяла в диковинных растениях, и в Урготеллу принялись свозить всё, что удавалось найти. За августейшей фамилией потянулись приближенные, потом мода перекинулась на Бордон с Агарией, но герцогские оранжереи так и остались непревзойденными. Прижимистый, как любой прирожденный торговец, Фома на цветочное наследство денег не жалел, что вынуждало заподозрить некий малопонятный расчет. Вот расчет со скреплением союза Ургота и Фельпа был очевиден, причем новоиспеченное герцогство выгадывало заметно больше. Отец так и сказал, и Луиджи без лишних слов согласился, а что ему еще оставалось? Жениться наследнику трона рано или поздно пришлось бы, так почему не сейчас и не на дочери Фомы? Ее, по крайней мере, не было на вилле Бьетерощо.

Когда Луиджи теперь уже позапрошлой осенью болтался в Урготе, он был не более чем капитаном выкупленной Алвой галеры. Урготских наследниц будущий принц видел от силы пару раз, да и то издали. Старшая ходила в розовом и казалась выше и худее сестры, младшую одевали в голубое, видимо, из-за более светлых волос. Она и сейчас была в голубом, сидела у круглого бассейна, уткнувшись в книжку, хотя мраморная крошка под ногами гостя скрипела весьма красноречиво. Неписанные правила требовали простоять несколько минут, якобы любуясь будущей супругой, и Луиджи честно остановился. Он еще мог уйти, но бегства никто бы не понял, и первым — отец. Что ж, Юлия не хуже других, а лучшая в мире девушка почти два года как упокоилась в родовом склепе. Когда-нибудь герцог Луиджи доберется до Бордона и отнесет Поликсене белые венчальные маки. Если Фельп будет сильным, ему не откажут...

— Это вы? — свою роль в свадебной мистерии дочь Фомы помнила назубок.

— Да, сударыня, — покорно произнес Джильди, принуждая себя смотреть на свеженькое румяное личико. Девушку, менее похожую на Поликсену с ее оленьими глазами, нужно было еще поискать, и слава Создателю! — Ваш батюшка разрешил мне с вами переговорить.

— Тогда прошу вас сесть, — ручка с пока еще девическим браслетом указала на обитый шелком пуф. Принцесса располо-

жила на таком же, а между пуфами целомудренно втиснулся столик с фруктами и какой-то миской, кажется, из серебра.

— Простите, что прервал ваше уединение. — Свой долг он исполнит, а новой любви в его жизни не будет, да и решено уже все. — Вы ведь читали?

— Да, я люблю здесь читать, — Юлия тронула приколотый к груди мясистый цветок, с которым Луиджи после объяснения предстояло отправиться к Фоме. — Я предпочитаю стихи... Они позволяют прожить и прочувствовать то, чем мы обделены по воле рока.

— Вы совершенно правы, — согласился Луиджи. В поэзии он разбирался скверно, да и рассуждать о слащавой ерунде не хотелось совершенно. — Сударыня, ваш батюшка разрешил мне переговорить с вами.

— Да, сударь. Вы об этом уже сказали, разумеется, я вас слушаю.

— Тогда я надеюсь, моя просьба не станет для вас неприятной неожиданностью. Фельп и Ургот — добрые союзники, и союз этот после устранения дуксии должен стать еще теснее. Наши отцы полагают, что правящим домам Ургота и Фельпа надо связать себя еще и родственными узами. Это и в самом деле необходимо, но вы еще и хороши собой, и умны. Фельп будет счастлив, если вы окажете ему честь и согласитесь стать моей супругой. Я надеюсь, вы полюбите наш великий город, и не сомневаюсь, что он полюбит вас.

Всё! Нужные слова сказаны, пути назад нет! Пухленькая девица опускает глазки, смотрит в воду. Журчит фонтан, в прозрачной воде шевелятся рыбы — оранжевые, белые и бело-рыжие, пегие... Щебечет морискилла, одуряюще пахнет цветами. Муцио просил руки Франчески на берегу моря, они были счастливы, пока не вмешалась смерть. Франческа помнила свою любовь недолго, но она женщина, а женское сердце не терпит холода и пустоты.

— Сударыня, умоляю вас ответить.

— Это так неожиданно... Папа мне говорил, но я не думала, что вы столь торопливы... До мистерии, до вечерних катаний по лагуне... Вы читали о Феличе и Асканио? Они надели свадебные туалеты и бросились в морские волны, взявшись за руки. Ревела буря, гремел гром, бушевали в дебрях вихри, это стихии оплакивали истинную страсть. Всю ночь.

— Да, сударыня, я об этом читал, — тут хочешь не хочешь, а врать приходится, — очень печально.

— Они друг друга любили, а мы с вами — нет. — Юлия зачерпнула из примеченной Луиджи миски что-то вроде серых крошек и швырнула в воду. Полусонные рыбины немедленно ожили и всплыли, они пихались и широко разевали круглые рты, они были отвратительны.

— Наши сердца нам не принадлежат, но и мы можем обрести счастье. — Ведь знал же, что с ломаками без выкрутасов не обойтись! Надо было начать с какой-нибудь сладкой чуши, короче бы вышло. — Вы прекрасны и умны, вас трудно не полюбить. Со временем... Мы будем гулять между гротами, придет весна, зацветут олеандры, нам никто не будет мешать. Весна — пора страсти, и она...

— Прекратите. — Юлия отправила в рыбины пасти еще одну пригоршню корма. — Я согласна стать вашей женой, но вы не станете требовать от меня любви, поскольку мое сердце навеки отдано другому. Я не уроню вашей чести и чести города Фельпа и подарю вам наследника. От вас я буду ждать того же.

— Да, — пробормотал Джильди, чудом не брякнув, что подарить наследника мужчине не может. — Вы — поразительная... девушка, сударыня.

— Я знаю, что такое любовь, — в бурлящую от разинутых ртов воду полетела следующая подачка. — Вы же этого не знаете и не узнаете никогда. Мужчины редко способны любить, их сердца полны жестокости и похоти. Я возьму с собой секретаря, камеристок и нескольких музыкантов, но фрейлин наберу в Фельпе. С прошлым я порву, хотя из души его не вырвать, оно будет терзать меня вечно.

— Я вас понял, сударыня. Разумеется, я принимаю ваше условие. — Вот и прекрасно, лучше просто быть не может, но какая же она дура! Правда, найти мерзавца придется. Хорошо бы красавчик оказался не из гайифских прихвостней, тогда его довольно держать подальше от Фельпа. — Но я должен знать... кому вы отдали свое сердце. Поверьте, я бы не осмелился коснуться вашей раны, однако великая герцогиня Фельпа не может... любить его врага.

— А я и не люблю, — миска опустела, но рыбы внизу этого еще не поняли и продолжали кишеть. — Мое сердце принадлежит спасителю Фельпа, и мой сын будет назван в его честь. Таково мое второе условие.

— Так вы любите...

— Не произносите это имя, — потребовала толстуха с рыбьей миской. — Я ответила на ваш вопрос, и довольно. Можете

идти к отцу и передать ему... что Юлия Урготская исполнит родительскую волю и прощает его и сестру. Возьмите этот анемон. Он жжет мне руку.

— Анемон? — удивился Джильди, который точно знал, что анемоны не жгутся и шипов у них нет.

— Голубой анемон — тень несбывшегося счастья. Он подобен сломанному крылу любви, оплаканному облаками. Ступайте, позвольте мне побыть одной.

— Да, сударыня, — Джильди торопливо схватил цветок, чей стебель был предусмотрительно вставлен в маленькую бутылочку. — Поверьте, мы еще будем счастливы.

— Это невозможно, — отрезала теперь уже невеста. — Мужчина способен жить без любви, но я создана для любви, я люблю и буду оплакивать свою любовь вечно. Всякий раз, когда будет звучать кэналлийская гитара и дуть ветер с запада, мое сердце станет истекать кровью. Но вы этого не заметите, этого никто не заметит. Идите же!

— Да-да...

Из оранжереи Луиджи выскочил куда быстрее, чем положено счастливому жениху. К счастью, в прилегающих залах посторонних не болталось, только стража и слуги. Капитан Джильди перехватил цветок так, чтобы не было видно бутылочки, и отправился сообщать о полученном согласии. Сюрпризов беседа с будущим тестем не сулила, поскольку приданое, церемонию бракосочетания и предшествующие отъезду молодых в Фельп увеселения Фома уже обсудил с загодя приехавшей Франческой. Не испытывавший ни малейшего желания препираться из-за всяческих супниц Луиджи с радостью спихнул торговлю на вдову Муцио, и зря! Серьезный разговор заставил бы думать об интересах Фельпа, а не о дурацких признаниях. На душе было мерзко, хотя чего удивляться, что начитавшаяся сонетов пышка влюбилась в Ворона? Клелия на нем еще не так висела, и кондиции те же... *«Со мной у тебя будет, как ни с кем...»* Тфу ты, пакость!

Пакостью была давнишняя ночь с пантерками, завершившаяся то ли бредом, то ли визитом нечисти. Пакостью были сегодняшний разговор и будущая свадьба. Конечно, Алву никто не затмит, даже Савиньяк, а влюбленная в кэналлийца герцогиня не станет размениваться на всякую мелочь, но жить с женщиной, которая тебя каждый день станет сравнивать... Да еще об этом говорить, а говорить Юлия будет! И потом она, чего доброго, разведет рыб и примется их кормить.

Обещанные новости подгадали точно к обеду, и привез их не штабной адъютант, а Пьетро. Капраса это не удивило — смиренный брат пользовался у Фуриса полным доверием.

— Рад видеть, — сказал чистейшую правду маршал. — Присоединяйтесь, только что подали.

— Благодарю, — врач-послушник предпочитал разъезжать по дорогам в военном платье, но что-то неуловимое выдавало в нем если не клирика, то человека, чуждого мирской суеты, что ли. Карло это нравилось. — Господин доверенный куратор просил передать вам письмо и уточнить кое-что на словах.

— Давайте письмо, — распорядился командующий, — и берите ложку. По такой погоде поститься глупо.

— Мое служение не требует постов, — смиренный брат невозмутимо разломил сырную лепешку, — к тому же святой Адриан чрезмерное утеснение плоти не одобрял.

— И правильно делал, — обрадовался маршал. — Не зря его в армии почитают больше других.

— В армиях, — уточнил Пьетро. — Святого Оноре печалило, что люди убивают друг друга, вознося одни и те же молитвы, но это началось не с нас и не на нас кончится.

— Еще бы! — Бывают же клирики, с которыми легко, а бывает вроде и свой брат вояка, от которого взвоешь... Непривычно философская мысль мелькнула и пропала, нужно было заниматься письмом, и Карло занялся. На главной квартире все шло неплохо: «немногочисленные случаи одержимости в частях Славного Северорожденного корпуса за истекшее время были выявлены и сразу же пресечены, не причинив ощутимого вреда, о чем составлены соответствующие рапорты», так что «наиболее подходящие для сего части готовы незамедлительно приступить к уничтожению отрядов возмутительного самозванца и дезертира Анастаса». Сюрприз Фурис приберет на самый конец, с непривычной краткостью сообщив о прибытии для беседы с командующим нового Прибожественного сервиллионика.

— Начнем с Прибожественного, — маршал сунул письмо назад, в футляр. — Что-то о нем сказать можете? Только от похлебки не отрывайтесь — остынет.

— Спасибо, — и не подумал цепляться за приличия Пьетро. — Сведения о новом легате, которые удалось получить епископу Мирикийскому, неутешительны. Сервиллионик Филандр,

в прошлом Филандр Экзархидис, принял должность одним из первых и успел проявить себя как склонный к мучительству головорез, однако при этом, или же благодаря этому, пользуется расположением императора. Из партикулярных гвардейцев¹, был приписан к Военной коллегии, затем принял участие в ее разгроме. Формально семьи у сервиллионика нет и быть не может, однако его бывшие родные весьма примечательны. Старший брат, Аргир Экзархидис — молниеразящий гонитель высшего ранга, а дед по матери до высадки морисков владел в Неванте крупнейшими верфями, Ламброс должен о нем знать.

— Вы-то сами этого Филандра видели? — Источники у епископа, надо думать, орденские, а в Милосердии императора и его соратников, мягко говоря, недолюбливают.

— Да, я его видел. — Пьетро поднял голову от миски и теперь смотрел Карло в глаза. Прямо и спокойно смотрел. — Новый легат показался мне высокомерным и достаточно неприятным, на гвардейца, если взять за образец Лидаса и Агаса, он не похож, но, что гораздо важнее, я почти уверен в его одержимости.

— Бацута! — Одержимость — это вам не споры о сути Божественного! — Постой... Для проявления гадам ведь разозлиться нужно. Сервиллионику что, Микис ногу отдалил?

— Причиной непреходящей злобы легата стал Анастас, — смиренный брат вновь принялся за обед. — Филандр прибыл в провинцию в сопровождении пяти доверенных лиц и двух сотен легких кавалеристов. Он сразу же направился в Кирку, собираясь объединить свои силы с силами своего предшественника. Подробности встречи Филандра и Анастаса неизвестны, но я бы предположил крупную ссору, не перешедшую в открытую стычку лишь по причине примерного равенства сил. Из Кирки легат отправился во временную ставку Фуриса, по дороге казнив нескольких случайных человек, отнюдь не мародеров. Это распалило его еще сильнее.

— У нас хоть все благополучно?

— Да. Господин Фурис остановил ярость легата единственным приемлемым способом.

— В бумагах утопил? — невольно хмыкнул командующий. — С него станется.

---

¹ Партикулярный гвардеец — гвардеец, совмещающий военную службу с партикулярной в одной из великих коллегий, главным образом Военной, Фискальной или Дипломатической.